

ИНВАРИАНТЫ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

В статье делается попытка, опираясь на материалы полевых исследований, проведенных автором качественными методами, рассмотреть армянскую диаспору (спюрк) в провинциальной России в целом. Эта задача решается путем выделения инвариантов изучаемой общности.

С одной стороны, исследованные инварианты — оппозиции между «бакинцами» и «хайастанцами» (азербайджанскими и армянскими армянами) и «старой» и «новой» диаспорой — находят свои параллели в многовековой истории спюрка. С другой — сам современный спюрк сформировался как результат процессов глобализации. Примирение «непримиримых» «глобалистского» и «исторического» исследовательских подходов позволяет заложить основу для систематического теоретического рассмотрения армянской диаспоры.

Статья* представляет результаты полевых исследований российской армянской диаспоры, проведенных автором качественными методами (общее количество информантов превысило 50 человек, в работе цитируются 15) в четырех регионах РФ: в Себежском р-не Псковской обл. в июле 2000 г., во время этнографической практики, организованной кафедрой этнографии и антропологии СПбГУ, и в ходе самостоятельных исследований в г. Майкопе и Майкопском р-не Республики Адыгея, на Черноморском побережье Краснодарского края (август 2000 г.), в Гатчинском и Волосовском р-нах Ленинградской обл. (ноябрь 2000 — июнь 2001 гг.).

В историографии армянская диаспора (спюрк) обычно рассматривается либо с общих историко-теоретических [1; 2] или чисто исторических [3] позиций, либо, напротив, в узких территориальных рамках с эмпирических позиций [4; 5]. Различие исследовательских стратегий актуализирует вопрос о возможности их сближения, при котором масштабность первых двух подходов не будет противоречить опытной выверенности последнего. В связи с этим, целью данной статьи является определение некоторых инвариантов современной российской провинциальной армянской диаспоры, выявление разнообразия их проявлений. Несмотря на привлекательность сопоставления результатов работы и исследований армянской общины Санкт-Петербурга, проведенных О. Бредниковой и Е. Чикадзе [4; 5], в данной работе такой задачи не ставится. Обоснование подобного сопоставления неизбежно потребовало бы, с одной стороны, введения в рамки обсуждения важнейшей в данном контексте оппозиции «провинция»-

* Без заинтересованного внимания к первым шагам моей научной деятельности чл.-корр. РАН С.А. Арутюнова и проф. Б.Н. Комиссарова эта статья вряд ли была бы написана. Также в ходе работы я консультировался с д. культ. н. С.В. Лурье, д.и.н. К.Н. Юзбашьяном, д.и.н. А.Е. Тер-Саркисянц и В.Г. Крбежяном. Наконец, исследование не смогло бы состояться без организационной и спонсорской поддержки вардапета Езраса (Нерсисяна), А. Хачикяна и А. Серопяна. Всем этим людям, а также гостеприимно принимавшим меня и отвечавшим на мои вопросы информантам выражаю самую искреннюю благодарность. Особую признательность хотелось бы высказать к.и.н. И.И. Верняеву, в свое время привившему мне любовь к полевой работе, а также В.Ю. Кривушиной за долготерпение при правке стиля текста.

«столица», с другой — объемного теоретического экскурса, призванного привести к единому знаменателю взгляды авторов.

Хотя в статье говорится только о самых общих закономерностях, тем не менее, в связи со значительным географическим разбросом собранных данных, при их осмыслении на первое место выходит проблема допустимости сравнения полученной разнородной информации. Итак, есть ли у автора право на обобщение, на постановку вопроса о рассмотрении армянской диаспоры российской провинции в целом?

Чтобы ответить на заданный вопрос положительно, необходимо кратко описать эволюцию направлений и целей полевой работы автора.

В Себежском р-не Псковской области автор, прежде всего, пытался понять специфику экономического и психологического выживания отдельных армян-мигрантов. В связи с этим ставились вопросы о причинах возникновения новой социальной и психологической общности «себежских армян», об истории ее формирования и напряженности внутренних связей. В ходе работы стало понятным, что разбросанные по России мелкие армянские социумы необходимо воспринимать не как гомогенные группы, а как разнородные коллективы, состоящие из различных по уровню образования, происхождению и социальному статусу людей, невидимыми линиями сознания отделенных от столь привычного и столь же чуждого окружающего их «русского» общества.

За 15 дней, проведенных в двух северокавказских районах компактного проживания нескольких сотен тысяч армян, фокусировать внимание только на сборе индивидуальных историй с точки зрения поставленной полевой задачи создания максимально общей, но адекватной реальности картины местного армянского общества было, конечно, делом бесперспективным. Актуальность для информантов этнического противостояния — агрессивного, направленного главным образом против русских и армян адыгского этнонационализма, еще более бросающегося в глаза из-за близости «горячих точек», — обусловила поворот к «политическому» анализу в исследовании, обращению основного внимания на социальные институты спюрка. Была сделана попытка оценить не только и не столько внешние проявления деятельности этнической организации (Ассоциации Армян Адыгеи — ААА), сколько ее внутреннюю структуру и законы функционирования, а посредством этого определить ее роль в местном армянском мире.

Эта тенденция к изучению «политической» структуры армянских обществ, к анализу их внутреннего устройства проявилась в полной мере в исследовании в Ленинградской обл. Оно изначально имело своей целью описание армянской общественной жизни, возникающей прямо на глазах там, где еще 12–13 лет назад проживало всего несколько армянских семей. На примере «общины гатчинских армян» исследовались процессы, которые проходят в этнической среде, состоящей из «местных» армян и разного рода армян-переселенцев.

Таким образом, тематика проводимых исследований во многом определялась самой изучаемой средой, что, конечно, совсем не исключало значительного влияния авторской субъективности. Тем не менее, в ходе работы стало очевидным, что и мощные анклавные диаспоры, и отдельные группы семей, разбросанные по РФ, сталкиваются в своей жизни с рядом очень близких проблем, а антрополог вряд ли может, пропустив полученную информацию сквозь себя, сильно исказить ее содержание. Какие бы темы он ни собирался обсуждать в ходе интервью, жизнь все равно берет свое: в полевой тетради появляются похожие записи.

И хотя этот «императив поля» не может считаться абсолютным, автор надеется, что представленный далеко не полный материал о российской армянской диаспоре хотя бы частично оправдает свое название и внесет свою лепту в постижение этого интереснейшего феномена.

Миграции армян в конце XX в. и их интерпретации

Всесоюзная перепись населения 1989 г. зафиксировала на территории РСФСР примерно полмиллиона армян, значительная доля которых была сосредоточена около южных границ России, а примерно 50 тыс. проживали в Москве и Ленинграде [6, с. 256, 272, 367]. Официальной статистики в 1990-х гг. не велось, однако с уверенностью можно сказать: за счет иммиграции количество армян в РФ резко возросло, а социальный и этнографический состав диаспоры сильно изменился.

1990-е гг. для Армении — годы войны, экономической блокады и энергетического кризиса, годы жестокой нужды, годы постоянной эмиграции. Официальная статистика утверждает, что постоянное население республики на 01.04.2000 г. составляло примерно 3,8 млн. человек. Эта цифра получается после сложения данных о численности населения на 1989 г. и зарегистрированного естественного прироста и никак не учитывает колоссальной эмиграции, размер которой по разным оценкам колеблется от 750 тыс. до 2,5 млн человек [7, с. 126–127; 8, с. 21; 9, с. 24; 10, с. 84]. Она уже оказала и еще долго будет оказывать сильнейшее воздействие на жизнь республики, подрывая ее демографический и экономический потенциал.

Говоря об эмиграции армян в конце XX в., нельзя ограничиваться только рассмотрением Армении и не учитывать бегство из Азербайджана в конце 1980-х–нач. 1990-х гг., а также выезд из Грузии. Выделим несколько последовательных волн миграций. Они начались сразу после первых погромов в Сумгаите. Поток переселенцев то усиливался, то ослабевал, но уже не прекращался. «Истечение армян» имеет несколько основных этапов. В 1988–1990 гг. беженцы из Азербайджана ехали в Армению и Россию. Карабахский конфликт, экономическая блокада и энергетический кризис первой половины 1990-х гг. привели к первой значительной эмиграции из самой Армении — за 1992–1994 гг. выехало около 500 тыс. человек [8, с. 21]. В этой волне значительную часть составляли уезжавшие семьями азербайджанские армяне, так и не сумевшие в условиях перманентно разрастающегося кризиса обосноваться на «исторической родине». Они покидали ее окончательно, в отличие от большинства хайстанцев (армянских армян), которые тогда выезжали только на заработки и не собирались порывать связи с Арменией.

Экономическая стабилизация середины 1990-х гг., на время сократившая поток эмиграции, закончилась вместе с кризисом 1998 г. Ухудшение экономической ситуации, «кризис верхов», выразившийся в ряде коррупционных скандалов, а особенно трагедия, разыгравшаяся в парламенте РА 27 октября 1999 г., и последовавшая за ней «чехарда» в высших эшелонах власти — все это привело к росту неуверенности у населения и к новому витку эмиграции. Кроме того, с 1998 г. начался массовый отъезд хайстанцев с семьями (иногда в форме вызова жен и детей обосновавшимися на новом месте отходниками) [8, с. 22].

Основными принимающими странами оказались РФ, куда уехало примерно 80% эмигрантов, и Украина — 8% [9, с. 24]. Российская диаспора сейчас самая большая в мире и насчитывает от 2 до 3 млн. человек, которые проживают как в «старых» районах компактного расселения на юге России, так и в «новых», таких, как Новосибирск, где количество армян за последнее десятилетие увеличилось почти в 20 раз [11, с. 146]. По неофициальным данным, в Москве сейчас проживает более 600 тыс. армян — больше, чем во всей российской диаспоре 1980-х гг. Характерным явлением стало чрезвычайно широкое дисперсное расселение иммигрантов в малых городах и даже в сельской местности РФ.

Для исследователя не составит труда принять компаративистскую перспективу и интерпретировать современный *глобальный для мирового армянства процесс как слепок с глобальных мировых процессов*. В рамках такого подхода целесообразно рассматривать Армению как пример развивающегося государства, ослабленного политически, экономически и психологически в результате неожиданной деколонизации. В этой «модернизированной» реальности можно увидеть причину и повод для массовой эмиграции, демографические потери от которой оказываются для крошечной страны

невосполнимыми (см. также [12]). Логичным следствием этой исследовательской идеологии становится анализ эмигрантских сообществ с точки зрения общей теории диаспоры.

Помимо подобной компаративистской перспективы, нужно попытаться учесть и примордиальную составляющую в исследуемом явлении. Тут нам на помощь приходит «исторический» подход. Не углубляясь в историографию, упомянем важную работу Р. Декмеджяна [13], который выделил следующие исторические поведенческие паттерны спюрка: ведущая роль церкви в структурах сохраняющей замкнутость общности; сохранение этнокультурной и национально-религиозной идентичности и «избраннического» самовосприятия; «буржуазный жизненный стиль» — стремление к коммерческому успеху, сопровождаемое неучастием в политической жизни принимающих стран; разделение эмигрантской элиты на соперничающие друг с другом группировки — вражда, дополняемая напряжением в отношениях между различными слоями диаспоры (часто между старыми и новыми переселенцами) и др. Почти все эти паттерны могут быть с успехом обнаружены и в современной реальности российской армянской диаспоры. Означает ли это, что «глобалистский» подход, о котором речь шла выше, неприменим? Отнюдь нет. Именно в диалектическом единстве различных исследовательских перспектив лежит путь к постижению нашего объекта.

Из выделенных Декмеджяном инвариантных в истории спюрка характеристик мы рассмотрим последнюю, в той части работы, которая касается внутренних межгрупповых напряжений в диаспоре. Кроме анализируемых оппозиций между «бакинцами» и «хайастанцами» и «старыми» и «новыми» армянами, можно было бы назвать и другие дихотомии — например, «грузинские» армяне и «хайастанцы» или «армяне-репатрианты» — «хайастанцы» и пр., однако статья не ставит своей задачей дать окончательное разрешение проблемы деления российского спюрка на группы. Рассмотренные в статье оппозиции наиболее выражены, а следовательно, их выделение будет убедительным и соответствующим цели работы — обозначить исследовательскую перспективу и поставить вопрос об опытном постижении изучаемого макрофеномена.

Бакинцы и хайастанцы

Выше уже упоминалось, что первыми из Армении уехали армяне — беженцы 1988–1990 гг. из Азербайджана. С представителями этой первой волны эмиграции автор встречался повсюду, где проводил исследования. Этих мигрантов можно весьма условно разделить на две группы: большую — «городских» армян или «бакинцев», проживавших в Баку (и других индустриальных центрах республики) и являвшихся носителями интернациональной культуры большого советского города, и меньшую — «сельских» армян, во многом сохранявших локальный, «местечковый» менталитет.

Родным языком первых чаще всего был русский и, реже, диалект армянского. В деревне же в условиях компактного расселения армяне сохраняли местный диалект армянского, а в школах изучали литературный армянский, в той или иной степени знали азербайджанский и хорошо — русский. Различался и уровень образования: бакинцы, работавшие чаще всего в высокотехнологичных отраслях науки и промышленности (часто — нефтяной), стремились получать высшее образование, среди «сельских» армян даже люди, окончившие техникум, относительно редки.

Сам термин «бакинцы» не является изобретением автора, хотя в литературе мы его и не встречали. Он символизирует для людей, бежавших от насилия межнационального конфликта, «довоенное» население Города, обладавшее четкой социальной идентичностью, никак не связанной с этнической, тогда более размытой. Жители Баку того времени — армяне, евреи, русские, азербайджанцы и др. — в этом контексте воспринимались и воспринимаются до сих пор не как носители специфических культур, а

как надэтническая общность.* (С этим, вероятно, связано иррациональное восприятие армянами-бакинцами конфликта, выгнавшего их из родного города. В среде беженцев существует миф о «руке Москвы», которая специально раздула огонь национализма и довела дело до кровопролития.)

Как это проявляется в реальности? Приведем пример. На первом собрании гатчинской армянской общины (см. ниже) автор наблюдал очень показательное явление. Во время перерыва, когда большинство пришедших на встречу вышли в фойе, в опустевшем зале остались несколько человек. Не найдя собеседников среди собравшихся, они чувствовали себя явно неуютно. Автор подошел к одному из них, чтобы познакомиться и договориться об интервью. Пока мы говорили, вокруг началось какое-то движение: к нам стали подходить улыбающиеся «одиночки», так же, как и мой собеседник, оказавшиеся бакинцами.

Другой группой, о которой пойдет речь в данном разделе, будут хайастанцы. К ней относятся как недавние экономические мигранты-уроженцы Армении, так и более ранние переселенцы, покинувшие Родину преимущественно в 1970–1980-х гг. Их объединяет язык (различие в диалектах между ними в РФ почти не чувствуется) и единое происхождение. Переехавшие в Россию в советское время не обрывали связь с оставшимися в Армении друзьями и родственниками и в 1990-е гг. часто выполняли роль принимающей стороны, постепенно вытягивая из пребывающей в постоянном кризисе Армении цепочки экономических мигрантов.

Для анализа взаимоотношений обсуждаемых групп приведем несколько свидетельств информантов.

Информантка ПНА** [14, л. 54–58], родившаяся и жившая до Сумгаита в Баку, уехала в Армению в 1988 г. одной из первых, ей даже удалось вывезти вещи, тогда как бежавшие последними (в январе 1990 г.) ехали «в домашней одежде». Хотя ПНА и утверждает, что больше повезло тем, кто сразу после начала конфликта выехал в Москву и другие крупные российские города, но первые три года, проведенные в Армении, были «самыми счастливыми в жизни» — информантка чувствовала к себе уважение и любовь, «жила на родине». Был получен беспроцентный кредит на строительство дома, а пока семья ПНА жила, как и семьи других беженцев, в тесноте общежития. Почти для всех из них эти временные прибежища стали постоянными.

ПНА отмечает, что ее положение в новой среде было привилегированным, по сравнению с другими беженцами. Психологически бакинцам было очень трудно: они почти не знали армянского языка, и хайастанцы «шутили и издевались» за это над ними. Кроме того, приезжие были «чужими». И ПНА, и многие другие информанты-бакинцы говорят об «общинной местечковости» армянских армян («у них есть и жизненная хваткость, четкость, хитрость, но нет светскости ...»), сохранившейся в Армении и совсем не чувствовавшейся в интернациональном Баку.

ПНА рассказывает: «Старые люди, которые держались патриархального уклада, считали, что приезжие развращают. Очень многие бакинцы приехали в Армению и уехали — не смогли привыкнуть к новой культуре». Несмотря на это, информантка относит себя к довольно редким в среде бакинцев «патриотам Армении»: после «интеллигентных и прилизанных» человеческих отношений в Баку ее покорила теплота людей на новой родине.

* Термин «бакинцы» можно сопоставить с терминами «ленинградцы», «москвичи» — клише, присутствующие до сих пор в сознании многих постсоветских людей, несмотря на сильную «разбавленность» населения соответствующих городов разного рода мигрантами и переселенцами и на значительное изменение в эпоху 1990-х гг. внешнего облика, культурного потенциала и духа прежде «харизматических» мегаполисов. Армянские беженцы из крупных городов Азербайджана до сих пор идентифицируют себя с исчезнувшей общностью бакинцев.

** Описание информантов см. в конце статьи.

Семье ПНА повезло — *«все шло гладко»*, но многих окружавших информантку бакинцев невзлюбили: они не могли устроиться на работу, перебивались непрестижными «халтурами» (сбор урожая и т.д.). Среди беженцев были случаи проституции, а в Армении *«если ты проитрафился, то тебя заклеят»*.

Положение ухудшилось в начале 1992 г., когда начался кризис, еще более обострившийся после закрытия атомной станции. После страшной зимы 1992–1993 гг. семья информантки решила уехать: пришлось оставить начатую стройку и, продав последние вещи и воспользовавшись помощью сестры, бежавшей из Баку прямо в Россию, покинуть Армению. *«Оттуда уехали все те, у кого была возможность»*, — говорит ПНА.

Несмотря на то, что информантка так и не прижилась в Армении, она остается ее патриотом. Обосновавшись в крошечном русском городе Себеже, она все же тоскует по обретенной на короткое время родине и сравнивает ее с окружающей реальностью: *«В Армении — любовь чувствуется в семьях; здесь этого нет — жесткое отношение к детям. <...> Там — уважение к мужчине с детства, здесь — унижение»*. Продолжая сопоставление, информантка противопоставляет первые впечатления после приезда в Армению (*«Двухметровый “заскорузный” дед [об армянском крестьянине, попутчике в автобусе], но теплота общения и душевность»*) и в Россию (*«Иду по улице. Навстречу идет молодой парень: застывшее лицо, пустые глаза»*).

Прожив несколько месяцев в псковском селе, ПНА отмечает: *«Армянская деревня более душевная, чем российская. <...> В Армении вода в горных деревнях проведена, канализация. Здесь этого нет»*, но при этом не осуждает русских: *«Люди здесь ничего не видели. Видели бы, у них и лица были бы другими»*.

В России для информанта все «другое»: *«В Армении — стыдно быть бедным, а тут этим хвастаются»* — ПНА корбит, что состоятельные люди часто *«жалуются на то, что нет денег даже на хлеб. <...> В Армении не скрывают заработка — он вызывает зависть, но не ненависть»*. *«В Армении сплетничество не злобно, так как общественное мнение наказывает. Здесь сплетничество более злобно, но менее результативно: “что сказал, что не сказал”. Хорошее здесь не передают — выбирают даже плохое из хорошего, но на следующий день сплетник будет приветливо улыбаться»*. Подводя своеобразный итог своему сравнению, ПНА говорит: *«Ни в Баку, ни в Армении не было людей, с которыми я не здоровалась, а здесь за 6 лет уже есть 2 человека»*.

Возвращаясь к хайастанцам, ПНА с одобрением отзывается о существующих в их среде жестких правилах («ролях») и порядке (*«во время после землетрясения — если кто-то из приезжих позволял себе смеяться на улице, его обрывали из-за траура»*), об уважении к труду и трудолюбивым людям (*«если тебя уважают, то тебе это обязательно покажут»*.) Но все это, по мнению информантки, имеет и оборотную сторону: жесткую социальную стратификацию, отсутствие равенства, психологическую уязвимость мужчин, которая особенно чувствуется во время кризиса.

В целом положительное восприятие ПНА армянских армян и Армении является скорее исключением, чем правилом в среде беженцев из Азербайджана. Даже ее мать, ПСП, присутствовавшая при интервью, вступила с дочерью в спор, упрекая ее в несправедливом осуждении русских: *«[Азербайджанские — Е.Ф.] армяне — “дураки”. Жили в Баку, строили азербайджанцам нефтяные вышки, работали в детских садах и т.д. — их выгнали. Приехали в Армению — и там не прижились. А Россия — это хорошо!»*. ПНА так объясняет недовольство армянскими армянами своей матери: *«Мать — у нее озлобленность: ждали, приехали на родину — и никакой помощи. Мне тоже обидно; но где-то — понятно»*. Однако даже она соглашается: *«Армянские армяне здесь более чужие, чем бакинские. Они не сливаются с окружающим населением, не принимают “легкости отношений” русских между собой. Их дети — уже другие, но они все равно привязаны к традиции»*.

Уделяя такое большое внимание интервью с ПНА и ее матерью, мы хотели дать возможность читателю почувствовать ментальность бакинцев, а также показать всю сложность и неоднозначность проявления выделяемой оппозиции. Тем не менее, отчуждение между азербайджанскими армянами и хайастанцами, о котором с той или иной точки зрения рассказывали ПНА и ее мать, является общим явлением — автор встречался с ним везде, где вел полевую работу. Приведем еще два примера.

ДРА (Адыгея) рассказывает, что и ее, и других беженцев из Таджикистана в 1990 г. очень хорошо встречали в Армении, так как их было немного: зарегистрировали, предложили земельные участки, кого-то расселили по пансионатам, оказывали разнообразную помощь. Тем не менее, ДРА замечает: *«армянские армяне признавали только армянских армян, считали мигрантов из Азербайджана “мусульманскими армянами”, армянами второго сорта, так как у тех был другой диалект»*.

ПА (Гатчина), бакинец, относится, по его словам, к хайастанцам хуже, чем к азербайджанцам: *«В 1990 году обратился в постпредство Армении в Москве за помощью как беженец. В ответ получил только оскорбление от армянского чиновника»*.

Попытка затронуть тему бакинцев в разговоре с хайастанцами обычно оставляет их равнодушными — беженцы из Азербайджана остаются чужаками, чье непродолжительное пребывание в Армении быстро закончилось, оставив легкий привкус разочарования, быстро растворившегося за годы последовавшего кризиса. Необходимость жить вместе с бывшими нежеланными гостями в новых российских условиях, соединенная с «примордиальным» мифом, принуждающим группы к сближению, должны были бы привести к новой рефлексии по поводу прошлых конфликтов, к появлению у хайастанцев чувства вины за нанесенные бакинцам обиды. Однако этого не происходит.

В российской провинции между данными группами чаще всего сохраняется неприязнь, даже если судьба сводит их вместе. Армянские армяне создают свои замкнутые этнические сети, в которые бакинцы почти не имеют доступа (см. также [15, с. 17]). Это вызывает появление у «оппонентов» взаимных гетеростереотипов о занятости и основных видах деятельности. Например, БЛА (Адыгея) утверждает: *«В коммерции самое высшее — ереванские армяне, а азербайджанские армяне совершенно к ней неспособны»*.

Выявляемая оппозиция бакинцев и хайастанцев не дает полного ответа на вопрос о культурной норме в отношениях между армянскими и «сельскими» азербайджанскими армянами. Тем не менее, сходство заметить можно.

Приведем, например, слова «сельского» азербайджанского армянина ОС (Волосово): *«У меня после земляков на первом месте по предпочтениям бакинцы, затем русские, и только далеко затем — армянские армяне»*. Информант осуждает отделение Армении от России: *«С 1989–1990 гг. хайастанцы плохо себя вели по отношению к русским — вот и получили»* и, словно подводя итоги, говорит: *«Если придут, как ты, армянские армяне, я их в дом не пушу»*.

Старая диаспора и новые переселенцы

Другая выделенная нами и находящая аналогии в рамках «исторического» подхода к исследованию спюрка оппозиция разделяет «старую» и «новую» диаспору. Рассматривать ее мы будем отдельно на двух примерах: Адыгеи — региона давнего компактного расселения армян и Гатчинского р-на Ленинградской обл., где еще в конце 1980-х гг. проживало всего несколько армянских семей. Такая перспектива оказывается вполне оправданной: опыт показывает, что реакция на наплыв мигрантов сильно зависит от типа «старой» диаспоры. Анализировать данную оппозицию мы будем опосредованно, рассматривая ее в контексте процессов самоструктурирования региональных диаспорных групп.

1. На территории Адыгеи армяне стали селиться в конце XIX в. в результате политики царского правительства по заселению и освоению земель, опустевших вследствие ухода части аборигенного населения после завершения Кавказской войны в Турцию.

Большинство армян-переселенцев относились к амшенской группе, внутри которой до сих пор сохраняется деление на подгруппы трабзонцев, ордуйцев и джаникцев, восходящее к географическим районам исхода из Турции. К 1920 г. в Черноморском округе армян было уже нескольких десятков тысяч. В 1926 г. в составе Майкопского округа был образован национальный Армянский район. Были открыты армянские школы, печатались армянские газеты и пр. Однако в результате дальнейшей последовательной ассимиляционной политики правительства к 1980-м гг. бывшая автономия почти сошла на нет [6, с. 295].

В начале 1990-х гг. в Адыгее была создана армянская организация «Дружба», просуществовавшая очень недолго. ААА (Ассоциация Армян Адыгеи) появилась в 1998 г. Оргкомитет, в который вошло 10–12 представителей армянских хуторов, возглавил крупный чиновник регионального правительства ТИС. В сентябре того же года в присутствии 260 человек прошло учредительное собрание организации. Был принят устав и избран исполком ААА, в который вошли только местные армяне, преимущественно предприниматели. Примерно 300 членов организации платят незначительные взносы (12 руб. в год). Основная часть бюджета составлена из пожертвований нескольких меценатов.

Деятельность организации поддерживает республиканская власть, выплатившая несколько разовых субсидий, израсходованных на культурные цели (были сшиты костюмы для возрожденного фольклорного ансамбля, оказана помощь футбольной команде и т.п.). На один из «грантов» был открыт магазин «Наири», торговавший товарами из Армении. Он, правда, быстро обанкротился. Местная администрация отвела землю для Духовно-культурного центра, план которого уже разработан, однако строительство церкви приостановлено из-за недостатка средств. На издание газеты денег также пока нет. Некоторое время функционировали курсы армянского языка, но затем они прекратили свое существование.

ААА организовала несколько концертов, провела ряд выездных заседаний, на которых ставились вопросы о сборе денег на церковь, для помощи армянам, пострадавшим во время «антитеррористической» операции в Чечне, и другие нужды. После поездки ТИС в 1999 г. в Армению в Майкопе появился священник, для которого ААА арендовала дом, являющийся также временной церковью.

В 1989 г. в Адыгее проживало примерно 430 тыс. человек. 68% населения республики составляли русские, 22% адыгейцы, армян было около 2% (10 тыс.) [6, с. 296]. К 2000 г. их число по официальной статистике увеличилось до 13 тыс., однако эта цифра, скорее всего, не соответствует действительности. В Адыгее введены серьезные ограничения на регистрацию мигрантов, с учетом которых, по оценке ААА, армянское население региона доходит до 20 тыс. человек. Переселенцы расселяются как на «старых» армянских хуторах, так и в г. Майкопе.

Специфика армянской иммиграции в Адыгею заключается в большой доле беженцев из зоны грузино-абхазского конфликта 1992–1994 гг. Эти мигранты были также амшенцами, а потому не воспринимались «старожилами» как чужаки. Часть приезжих, воспользовавшись помощью родственников и знакомых, осела в Адыгее, а часть, с завершением конфликта, возвратилась в Абхазию. Основная проблема возникла в отношениях между адыгскими армянами и переселенцами из Закавказья.

Информант КПС («местный» армянин, с 1999 г. глава ААА) утверждает: *«Мигранты из Армении и Азербайджана не сливаются с местным армянским населением. В первое время после приезда были трения — приезжие не очень хорошо себя вели. Они — особняком. Сначала приезжает один, закрепляется, затем вытягивает других. В последнее время они начали строиться».*

Р. («местный») утверждает, что мигранты занимаются в основном «черными» работами: мелкой торговлей, торгуют на рынках. Хайастанцы, правда, по словам Р., работают в более престижных секторах рынка труда, участвуют в посреднической деятельности. КПС: *«Местные армяне укоренились в органах власти, занимаются предпринимательством».* Значительная доля производства паркета из ценных пород

дерева действительно контролируется «старыми» армянами, не допускающими к ней чужаков. КПС, тем не менее, добавляет: *«Приезжим в бизнесе иногда удается больше, так как они легче рискуют, они “живее”, чем местные».*

Похожую картину мы застаем и в соседнем с Адыгеей регионе. КО (Сочи) так определяет деятельность различных групп армян: *«Местные армяне — больше производство. Армянские армяне — строители, мелкий опт, торговля. Есть разделение: местные и абхазские армяне, ереванские и азербайджанские».*

Окончательно судить, соответствуют ли статистической реальности конструируемые информантами схемы занятости различных слоев армян, трудно, однако подобные гетеростереотипы можно воспринимать как еще одно указание на правомерность и актуальность выявляемых оппозиций.

Посмотрим теперь, как воспринимают «местных» армян переселенцы. БА и АА (беженцы из НКАО в Адыгею) утверждают: *«С местными армянами у нас контакты слабые. Об образовании ААА и о церкви только слышали».* Это свидетельство необходимо рассматривать в контексте социального положения информантов — лишенных почти всех прав в обществе и находящихся на полуполюгальном положении мигрантов. (Характерно, что в первое, самое тяжелое время после приезда информантам помогали в основном русские соседи.) Чтобы хоть немного поднять свой социальный статус в местном армянском обществе, АА вынужден «заискивать» перед соседями по хутору. В июне 2000 г., когда в семье вдруг появились деньги, семья информанта устроила «день рождения» — *«пригласили 70–80 человек, гуляли до 2–3 часов ночи».*

Несмотря на усилия информантов, глубокого вхождения в местную армянскую этническую среду не происходит. Полуразрушенную «халупу» на окраине армянского хутора Шаумян, в которой ютится семья АА и которую он с огромным трудом восстанавливает, отделяет всего около 100 метров от дома председателя Ассоциации Армян Адыгеи. Тем не менее, контакт между переселенцем и «главным старожилом» не устанавливается.

На семейных и других торжествах АА кроме родственников и соседей обязательно присутствуют земляки. Земляческие привязанности подкрепляются традиционной для армян территориальной эндогамией. БА рассказывает: *«Есть случаи, когда местные мужчины — армяне — женились на женщинах из переселенцев. Но в основном стараются жениться на односельчанах, с одного района: “палку вырезать из своего леса” — не рисковать, знать, какая семья. “Нужно знать корни”».*

Беженец из Азербайджана ДА, социализировавшийся в русской среде Адыгеи благодаря работе в налоговой полиции, не верит в общину амшенцев и считает, что необходимости ориентироваться на нее нет. ДА является носителем своеобразного стигматического мировоззрения — свою роль в жизни он видит в *«подготовке сына, чтобы он стал “русским армянином”, безропотно нес крест своей национальности».* Стремление к такому вхождению в окружающее общество не отменяет «этничности» информанта, которая выражается в подчеркиваемой ДА «армянскости» родственников и ближайших друзей — в основном мигрантов.

Приезжие и местные армяне различаются по степени религиозности. Парадоксальная ситуация — местные армяне чаще всего создают этнические организации в том числе и с целью строительства церкви, в которые приглашают священников из Армении. При этом редкими прихожанами становятся приезжие, чаще всего хайастанцы, которых сами местные недолюбливают. Светская же роль церкви, традиционная для спюрка, в условиях первичности мирского организационного начала — общины, здесь почти не прослеживается. Для старожилых храм не превращается в клуб, т.к. центростремительные силы в местном армянском сообществе остаются слабыми — «старые» армяне остаются пассивными, а приезжие замыкаются в кружки родственников и знакомых, в отдельные землячества.

Самодостаточность и внутренняя стабильность группы «старожилов» приводит к слабости контактов с переселенцами, к желанию отгородиться от их проблем. Этническая организация оказывается не средством объединения армян, а основой для их разъединения. Созданная группой предпринимателей, генетически близких по происхождению (в основном джаникцев) и во многом связанных родственными, дружескими и деловыми отношениями, ААА стремится адаптироваться к правовому полю раздираемой межнациональными противоречиями республики. Одной из причин создания организации, кроме декларированных культурно-духовно-просветительских целей, становится легализация в макросоциуме как этнической собственной групповой идентичности. Принадлежность к ААА становится символом лояльности к власти, отделяющим его носителей от социально опасной группы беженцев и вынужденных мигрантов.

Таким образом, процессы в различных слоях современных адыгских армян протекают параллельно и весьма несинхронно. В результате региональная общность в целом оказывается беззащитной перед вполне реально существующей опасностью этнических конфликтов. На время вследствие усиления федерального центра непосредственная угроза взрыва устранена. Будущее же остается туманным.

2. «Местный» армянин Н.^{*}, родившийся и проживший всю жизнь в Гатчине, утверждает, что в до- и послевоенное время в городе было всего 2 армянские семьи, по крайней мере одна из которых — семья женатого на русской отца информанта — была смешанной. В 1960–1980-е гг. происходил постепенный рост количества армян в районе — к концу 1980-х, по нашей оценке, их уже было примерно 30–40 человек. В их среде отсутствовала реальная внутренняя сплоченность — они практически не создавали этнических сетей и представляли собой несколько разрозненных семей, конечно хорошо знакомых друг с другом, но не связанных какой-либо совместной деятельностью. Сейчас «старожилы» составляют для переселенцев привилегированную референтную группу. Например, мигрант ГР говорит: *«Мы — “рабочие”, а местные армяне — элита — укоренились, крепко сидят на теплых местах»*.^{**}

Массовый наплыв переселенцев в 1990-х гг. резко увеличил армянское население Гатчинского р-на, которое теперь исчисляется сотнями человек.

В течение первой половины 2001 г. в Гатчине существовала армянская община. Автор не только наблюдал все стадии ее развития, но и сыграл не последнюю роль в ее организации. Кратко рассмотрев историю общины, мы, как и в Адыгее, через изучение ее социальной структуры сможем выявить интересующую нас оппозицию.

4 ноября 2000 г. мы^{***} познакомились с Н. В ходе беседы возникла идея создать армянскую общину. Ее учредительное собрание прошло в Старый новый год (13.01.2001).

* Подробно опишем Н., с которым нам придется постоянно сталкиваться ниже. Н. не знает армянского языка и не является носителем армянской культуры. Он вырос в русской среде, был профессиональным спортсменом, а в настоящее время является депутатом Гатчинского Собрания и директором гатчинского Дворца молодежи. Кроме курения молодежи Н. устраивает вечера знакомств «кому за ...» и пр. Когда-то он сменил окончание -ян своей фамилии на -ов и окончательно стал «русским». В 1990-е гг. он превратился в «армянина», а в 2001 г. оказался главным организатором местной армянской общины. Двойственность статуса Н. характеризуют следующие слова ПА: *«Знал Н. давно, но знал просто как человека; узнал, что он армянин, только на первом собрании общины»*.

** Необходимо пояснить, что «рабочий» ГР держит шашлычную, в которой работает 4 человека, и содержит, по его словам, две семьи в России и русскую любовницу. Хотя размер заработка информанта выше доходов многих «местных» армян (и Н. в том числе), но во время общения с последним ГР выглядит как человек, чей статус значительно ниже статуса собеседника. Достаточно сказать, что нашу встречу с ГР организовал Н., позвонивший ему и велевший *«хорошо принять гостей»*. При этом понесенные ГР расходы составили примерно 300 рублей.

*** На ранних этапах исследования в Гатчине автор работал вместе с антропологом Джейсоном Пеллмаром (Jason Pellmar) (США).

Встреча, организованная Н. вместе с ГО и СМ — «централами»* местного армянского общества, прошла в гатчинском Дворце молодежи в форме четырехчасового банкета. На нем присутствовало около 50 человек, почти все — мужчины, главы семей. Хотя сначала некоторые ораторы и пытались говорить по-армянски, но очень скоро были вынуждены перейти на русский, по той причине, что многие из собравшихся их не понимали.

В начале встречи с речью выступили ГО и СМ. Они предложили создать организацию, которая поставила бы перед собой задачи сохранения и развития армянской культуры, просветительство и взаимопомощь, создание благоприятной атмосферы для совместного бизнеса. В своем выступлении СМ значительное внимание уделил проблеме преступности в среде недавних переселенцев, особенно из Армении, которые, по его словам, плохо себя ведут, «кидают». Страдают от них те же армяне — либо непосредственно, либо в результате появления в окружающем русском обществе националистических стереотипов. Оратору, по его словам, уже приходилось 5–6 раз участвовать в уголовных процессах в качестве переводчика с армянского для подсудимого. Вывод СМ: в перечень первоочередных задач общины обязательно должно войти предотвращение подобных явлений.

После этих двух выступлений был «избран» тамада, которым, по представлению ГО, стал сидевший с ним рядом «старожил» — отставной полковник. В дальнейшем встреча проходила по следующей схеме: собравшиеся один за другим вставали, представлялись и говорили тост-пожелание. В выступлениях ораторы пытались передать свое понимание «армянскости», а также формулировали свой взгляд на цели и задачи создаваемой организации. Неоднократно звучали пожелания, чтобы в общину не проникли ни национализм, ни политика. «Ассимилированные» «старожилы» говорили о необходимости поддерживать умирающие вне родины национальные дух, язык, культуру и традиции, рассказывали о нехватке «этнического» общения, призывали к созданию «армянского клуба». Мигранты предупреждали об опасности смешанных браков и выражали пожелание, чтобы в рамках общины были организованы специальные встречи-знакомства молодежи. Почти все выступавшие выражали пожелание, чтобы *«эта встреча была не последней»*, призывали к созданию инициативной группы, которая взяла бы на себя организационные заботы.

Один из последних ораторов, подчеркивая «армянскость» происходящего в зале — отличие встречи от обычных «русских» собраний, заметил: *«Каждый сказал свою изюминку, что-то свое, и никто не напился»*. Особость происходящего подчеркивали и другие. Например, тамада в середине мероприятия сказал: *«Если мы сейчас назначим день следующего собрания, то это будет по-русски. Лучше мы это сделаем в конце»*.

Собрание несколько раз прерывалось (на «перекур»). Участники выходили в фойе**, общались друг с другом. Кроме того, в заседании была «музыкальная пауза», во время которой сначала местная знаменитость поэт-певец Майер исполнил «Фолио» и «Мое солнышко» («O sole mio» на русском языке), а затем был небольшой скрипичный номер.

В конце собрания итоги подвел все тот же ГО. Он рассказал о нескольких случаях армянофобии, с которыми ему приходилось сталкиваться у русских. И хотя ему каждый раз удавалось «поставить на место» грубияна, ГО заявил, что право с гордостью называть себя армянином необходимо заслужить делом — для этого и создается община. Выступавший призвал присутствовавших к посильной помощи: *«Нет никакого отличия,*

* Армяне-старожилы, достигшие наибольшего успеха в гатчинском обществе и известные всем армянам, проживающим на территории района. Термин введен С.А. Арутюновым [16] для обозначения носителей речевой традиции. Мы используем его скорее в статусном смысле, соглашаясь, однако, с мыслью Арутюнова о связи между двумя значениями термина [16, с. 7]. Близость смыслов подчеркивают выступления СМ на третьем собрании общины (см. ниже), которые представляли собой яркие образцы «армянской исторической мифологии» — широко распространенного среди армян полуфольклорного жанра, возвеличивающего национальную историю. Интервью с ГО и СМ, несмотря на неоднократные попытки, провести не удалось.

** Именно тогда произошло то «выявление бакинцев», о котором говорилось выше.

кто сколько внес. Среди нас есть люди, “относящиеся к искусству”, их помощь даже дороже материального участия ...».

Следующее собрание назначили на 27 января (через 2 недели) и решили, что оно пройдет в более широком составе — каждый приведет свои семьи, детей, чтобы они могли познакомиться. Однако вторая встреча, на которой присутствовало всего 20–25 человек, состоялась в кафе «Шанхай» только 7 марта. Ни ГО, ни СМ на нее не пришли. Несмотря на заявленное желание «познакомить детей», молодежи почти не было, даже не все участники привели с собой жен. «Этническая» тематика на встрече почти не звучала. Говорил только тамада — 70-летний местный «патриарх». Он произносил тосты о женщинах, детях, родителях и друзьях, но не об армянах.

Третье заседание общины, участниками которого стали всего 15 человек, в основном мужчин, было посвящено памяти армян, уничтоженных во время геноцида 1915 г. Первоначально планировалось, что утром 24 апреля в Санкт-Петербург пойдет специальный автобус, который отвезет желающих на панихиду в армянскую церковь, а вечером произойдет траурное собрание в Гатчине. Однако коллективная поездка не состоялась, а на траурной службе был только один гатчинец. Мемориальное собрание проходило в кафе, принадлежавшем одному из участников. Организатор встречи Н. поддержал таким образом «соотечественника», недавно открывшего свое дело. Хотя был выбран тот же тамада, что и на второй встрече, но на сей раз говорили почти все. Во многих выступлениях Геноцид сравнивался и связывался с недавними трагическими для армянского народа событиями в Сумгаите, Баку, Карабахе. Некоторые ораторы еще более осовременили преступления младотурков, сопоставив его с современными актуальными проблемами во внутренней и внешней политике РФ: войной в Югославии, политикой США, распространением наркотиков и СПИДа, войной в Чечне («геноцид русского народа, который выгоняют из Чечни»). Во время заседания играла траурная музыка, был показан видеофильм о «зверствах азербайджанцев» в Карабахе. Важную роль играл СМ, который не только пришел на мероприятие (ГО опять не было), но и несколько раз произнес речь.

Этим деятельность общины и ограничилась. Однако ее фактическое исчезновение, прогнозирувавшееся многими с самого начала, является событием не менее значимым, чем ее возникновение. Обратившись к анализу описанных событий, попытаемся разрешить поставленную проблему отношений между различными слоями гатчинских армян.

Появление и функционирование общины, несомненно, оказало влияние на местную армянскую среду. Собрания позволили участникам эксплицитно свое понимание «армянскости», актуализировали это ощущение. Исследователю изучение общины помогло глубже понять ментальность ее членов и выявить степень целостности и внутренней связанности диаспорной группы.

Показательно, что при передаче приглашений на первое заседание между ее организаторами и оповещаемыми чаще всего было не более одного посредника. Выводом из этого может стать утверждение, что «горизонтальные» информационные связи, соединявшие армянские микросоциумы (группы семей, дружеские и земляческие кружки), были значительно слабее «вертикальных», связывающих мигрантов со старожилами и центрами.

Собрания дали редкую возможность контактировать различным группам местных армян. Хотя количество приходящих на встречи постоянно снижалось, но каждый раз было несколько новичков, которые не давали мероприятию превратиться в рутину. Например, бакинец, появившийся только на третьем собрании, говорил: *«Мы братья по духу, но мы должны быть братьями и по жизни. Мне здесь [В России] чего-то все равно не хватает. Хотя все есть, но чего-то не хватает. Только сегодня я почувствовал настоящее удовольствие. Хотя все говорят разное, но мне вдруг стало тепло. Я понял, что главное, что мы собираемся, мы можем говорить, открывать душу — каждый говорит искренне, что думает <...> Я в первый раз с вами: все разные, но все такие*

одинаковые — любовью к нации, к единству. Как в тосте, в одной фразе все свести? Давайте выпьем за наше братство!»

Несомненно сильные переживания «этнического» у участников встреч. Но почему тогда община исчезла?

Разумеется, на количество участников влиял материальный фактор — размер «банкетного» взноса (пришедшая на собрание семья из четырех человек должна была бы заплатить более 600 рублей.) Однако переоценивать эту причину нельзя. По нашему мнению, важную роль здесь сыграли внутренние противоречия, заложенные в диаспорной группе. Инициатива создания общины, исходившая от «старожилов», натолкнулась на неспособность (из-за различия культуры и менталитета) слоев армян к объединению. Примордиальные мифы, давшие импульс к возникновению этнической организации, оказались бессильными перед реальной разделенностью общности.

Достаточно большая часть участников первого собрания, в основном мигранты, пришли на него в том числе и потому, что там также присутствовали ГО и СМ. Это могло произойти как из-за личной признательности этим людям за помощь на первых этапах после приезда в Россию, так и из-за «архаичности» сознания некоторых армян, ориентирующихся в своих социальных стратегиях на централов. Перелом, произошедший на второй встрече, назначенной на 7 марта — причиной которого стал традиционный советский «праздник на работе», который централы предпочли присутствию на собрании, оказывается очень показательным. В такой ситуации для многих продолжение участия в заседаниях оказалось не очень важным. В ситуации реальной деноминации значимости встреч в результате фактического самоустранения централов от деятельности общины на первый план вышла неостребованность организованного пути «актуализации этнической идентичности». Дисперсное расселение армян в «русских» регионах — не более, чем фикция: «этническое» общение с успехом проходит в повседневности через родственные, деловые и дружеские сети.

Другая группа, представленная, в частности, бакинцами, негативно отнеслась к «самовластию» ГО на первой встрече. Прожившие всю жизнь в «демократическом», «модернизированном» мегаполисе люди не смогли принять «тоталитарного», «архаического» стиля мероприятия. ПА прямо говорит: *«Все шло, как на партсовещании, натянуто. Нити встречи были у ГО. То, что он “директор”, не дает ему “большого права”. Это же встреча, а не “мафия”!»* Несмотря на ощущаемую необходимость поддержки идентичности и сохраняющийся комплекс неполноценности из-за воображаемого недостатка «армянскости» в себе, часть бакинцев дистанцировались от «общины», не включаясь в ее функционирование, что, однако, не мешало им сохранять обостренную этничность. Именно для этих людей она является проблемой, с которой они не знают, что делать. Тот же ПА говорит: *«Национальность — это как дурь, которую приклеил к себе. Отдирается это только с кровью».*

Значимость, которую могли бы иметь личные качества централов для сохранения общины, оказывается случайным фактором — ее главным создателем становится «этнический предприниматель» Н. Так или иначе, община не эффективна. Программа, заявленная на первом заседании, не была осуществлена: организация не была зарегистрирована, не открылись языковые курсы и не начали выполняться другие культурные и социальные проекты. В самих собраниях было очень мало «армянского», а «этнически» ненасыщенное пространство легко заполнялось массовой культурой: громкой поп-музыкой, стандартизированной «банкетной» пищей и пр. На второй встрече даже армянская тематика в выступлениях почти полностью отсутствовала.* И только на последнем собрании зазвучали армянские мелодии, был показан армянский видеофильм, на столе появились армянские блюда.

* Причиной стало, по словам Н., нежелание раздражать сидевших вокруг «русских».

Однако проблема не объясняется полностью этой случайностью. Возможно, главное другое. Группа «местных» армян, стоящих у истока общины, достигла в гатчинском обществе достаточно высокого статуса и потеряла психологическую связь с Арменией. Это предопределило отсутствие у представителей этой группы способности передавать другим свою оригинальную этничность — личностную характеристику, постепенно теряющую свою интенсивность с течением времени, если ее носитель живет в условиях иной культуры. Разного рода переселенцы, или, в силу своего «подчиненного» положения, ориентирующиеся на референтную группу «хозяев» — «местных» армян, или, в силу воспитания, не способные принять предлагаемое им участие в иерархической этнической организации, не могут передать централам ту идеологию, которую все еще сохраняют. Попытка сложения различных этнических групп приводит не к растворению их «самости» в целостном организме, а к созданию достаточно бесформенной ментальной и социальной структуры, в причинах появления которой переплетаются экономические, психологические и социальные мотивы участников.

Однако эта структура все-таки возникла и механизм «этнической мобилизации» был запущен. Хотя и раньше существовали случаи, когда происходило реальное объединение гатчинских армян (например, случаи сбора денег для попавшего в беду соотечественника), но появление общины, несомненно, вывело интеграцию диаспорной группы на новый уровень. В связи с последним, мы воспринимаем гатчинскую общину не как неудавшийся опыт искусственного образования, а как попытку **компромисса** между разными этносоциальными группами, которые не могут найти общего языка, но чувствуют необходимость в совместной деятельности. Возможно, что в этих кажущихся бесцельными движениях и будет лежать единственный путь к интеграции — собиранию «рассыпавшихся» армян в одно целое.

Заключение

Выявленные в работе оппозиции далеко не исчерпывают список инвариантов российской провинциальной армянской диаспоры. Тем не менее, она может осмыслиться исследователем в терминах постоянной борьбы, в обозримом будущем не имеющей победителя, — столкновений между «мифом примордиальности» и объективной реальностью межгрупповых различий в каждом региональном элементе спюрка. Глубина и разнообразие проявления выделенных в работе инвариантов, их конструктивный (с точки зрения самосохранения макросистемы диаспоры) конфликт с реальностью ставит перед нами вопрос о причинах органичности исторических типов поведения спюрка в контексте современности. В этой связи, «глобалистская» стратегия исследования оказывается важным, но не единственным способом теоретического анализа, а инварианты диаспоры приобретают особую гносеологическую значимость — зафиксированные повсеместно в той или иной форме закономерности могут стать исходной точкой в дальнейшем изучении интереснейшего феномена — спюрка.

Список информантов.

1. АА (муж сестры БА), примерно 50 лет, род. и жил в НКАО. В 1993 г. бежал в Адыгею. Интервью проходило на хуторе Шаумян Майкопского р-на Республики Адыгея в августе 2000 г.

2. БЛА, 1943 г.р., род. и жила в с. Шаумян в окрестностях г. Кировабада Азербайджанской ССР. В 1986 г. переехала в Адыгею. Интервью проходило на хуторе Пролетарский Майкопского р-на Республики Адыгея в августе 2000 г.

3. БА (брат жены АА), примерно 50 лет, род. и жил в НКАО. В 1993 г. бежал в Адыгею. Интервью проходило на хуторе Шаумян Майкопского р-на Республики Адыгея в августе 2000 г.

4. ГР, 1956 г.р., род. в Баку, в 1982 г. уехал в Среднюю Азию, в 1990 г. — в г. Симферополь, в 1993 г. — в г. Гатчину Ленинградской области. Интервью проходило в г. Гатчина в ноябре 2000 г.

5. ДА (сын ДРА), примерно 28 лет, род. и жил в Кировабаде. В начале 1989 г. бежал в Душанбе, оттуда в 1990 г. бежал в Армению, из Армении выехал в 1994 г. в Майкоп. Интервью проходило в г. Майкопе, Республика Адыгея в августе 2000 г.

6. ДРА (мать ДА), 1940 г.р., род. и жила в г. Кировабаде. В начале 1989 г. бежала в Душанбе, оттуда в 1990 г. бежала в Армению, из Армении выехала в 1994 г. в Майкоп. Интервью проходило в г. Майкопе, Республика Адыгея в августе 2000 г.

7. КО, 1957 г.р., род. в с. Олехадзе, Гагрский р-он, Абхазия. Переехал в г. Сочи в 1986 г. Интервью проходило в г. Сочи в августе 2000 г.

8. КПС, примерно 55 лет, род. и живет на хуторе Шаумян Майкопского р-на Республики Адыгея. Глава Ассоциации Армян Адыгеи (ААА). Интервью проходило в г. Майкопе и на хуторе Шаумян Майкопского р-на Республики Адыгея в августе 2000 г.

9. Н., 1942 г.р., род. и живет в г. Гатчина, Ленинградская обл. Информант является главным организатором «общины» гатчинских армян. Интервью проходило в ноябре 2000 г. в г. Гатчина.

10. ОС, 1956 г.р., род. в дер. Медресе Шемахинского р-на Азербайджанской ССР. Работал в Баку. В 1990 г. бежал в Армению, оттуда в начале 1990-х гг. выехал сначала на Украину, а с 1995 г. в г. Волосово Ленинградской обл. Интервью проходило в г. Волосово в марте 2001 г.

11. ПНА, 1957 г.р., род. и жила в г. Баку до 1988 г. После Сумгаита (1988 г.) выехала в Армению. Переехала оттуда в г. Себеж, Себежский р-н, Псковская обл. в 1993 г. Интервью проходило в г. Себеж в июле 2000 г.

12. ПСП, 1935 г.р., род. в г. Баку, где жила до 1988 г. После Сумгаита (1988 г.) выехала в Армению. Переехала оттуда в г. Себеж, Себежский р-н, Псковская обл. в 1993 г. Интервью проходило в г. Себеж в июле 2000 г.

13. ПА, 1952 г.р., род. в г. Баку, где и жил до янв. 1990 года. С февраля 1990 г. постоянно проживает в г. Гатчина Ленинградской обл. Интервью проходило в г. Гатчина в марте 2001 г.

14. Р., примерно 50 лет, род. и живет в Майкопском р-не Республики Адыгея. Член исполкома ААА. Интервью проходило в г. Майкоп в августе 2000 г.

15. ТИС, 1960 г.р., род. и живет в Майкопском р-не Краснодарского края (сейчас – Республики Адыгея). Один из основателей Ассоциации Армян Адыгеи (ААА). Интервью проходило в Майкопе, столице РА в августе 2000 г.

Литература

1. Лурье С.В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 1998.

2. Мелконян Э. Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) // Диаспоры. 2000. № 1–2.

3. Ананян Ж., Хачатурян В. Армянские общины России. Ереван: Армянско-академическое местное предприятие М. Варданян, 1993.

4. Чикадзе Е. Армяне Петербурга — от общественного движения к общинным институтам // Диаспоры. 2000. № 1–2.

5. Бредникова О., Чикадзе Е. Армяне Санкт-Петербурга: карьеры этничности // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под. ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.

6. Тер-Саркисянц А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Восточная литература РАН, 1998.

7. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: МИМО, 2001.

8. Александрян А. Лицо эмигранта // Горцарар (на арм. яз.). 2000. № 12.

9. Григорян Л. «Истечение» армян в конце столетия // Горцарар (на арм. яз.). 2000. №12.

10. Армяне в России // Депросян А., Исоян А., Хубавердян К. Армяне в мире (на арм. яз.). Ереван, 1995.
11. Майничева А. Армяне современного Новосибирска // Диаспоры. 2000. № 1–2.
12. Фирсов Е.Ю. Армянская эмиграция в к. XX–н. XXI вв. // Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике 6–9 декабря 1999 г.: становление мира как «общего дома» человечества: динамика, этапы, перспективы (XV–XXI вв.). СПб.: Изд-во СПбГУ. [В печати.]
13. Dekmejian R.H. The Armenian diaspora // The Armenian people from ancient to modern times / Ed. by R.G. Novannisian. Vol. II. N.Y.: St. Martin's Press, 1997.
14. Архив кафедры этнографии и антропологии СПбГУ. Полевой дневник Фирсова Е.Ю. Себежский р-он, Псковская обл. 2000 г. Т. 1.
15. Фирсов Е. Ю. Армяне в Себежском районе Псковской области // Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 2000 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях). Краткое содержание докладов V Региональной научной конференции молодых ученых / Под. ред. А.В. Гадло. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
16. Арутюнов С.А. Народные механизмы языковой традиции // Язык. Культура. Этнос. М.: Наука, 1994.